
Мы не хотим мальчика,
мы не хотим девочку,
нам просто хорошо вдвоём.
А мальчик так хочет родиться,
а девочка так хочет родиться,
и хочется им ещё
сестрёнку или братишку.
А нам хорошо с тобой.
Дай откусить эту тонкую плёночку
на нижней губе.
Ты берёшь меня за затылок,
и с шеи бегут мурашки,
их много-много,
и бегают они быстро,
ты ведь знаешь это.
Ресницы наши сцепились,
и тонкий запах играет на щеке.
А мальчик так хочет родиться,
а девочка так хочет родиться,
а нам хорошо с тобой.

Ветерок прыгает в окно,
ползёт по полу, по стене,
смешной-смешной,
как задранный подбородок.
И хочется им ещё
сестрёнку или братишку.
Ты читала толстые книжки
Толстого? Раньше все их читали.
Хорошо бы поездить на лошади,
полежать на стогу.
Я провожу тебя на вокзал,
мы будем стоять и прощаться.
Не торопись. Медленнее,
медленнее, ещё, ещё.
Господи! Никому ещё не было
так хорошо со мной, и мне тоже.
Не вскрикивай так отчаянно,
я тебе верю. Господи!
И хочется им ещё
сестрёнку или братишку.
И мы — как брат и сестра,
ты помнишь наших родителей,
пусть разные, но они наши,
разве так не бывает.
Мир — как вокзал,
как задранный подбородок,
смешной-смешной,
как толстая книжка,
раньше все их читали,
ты ведь знаешь это,
и нам хорошо с тобой.
Господи! Я тебе верю.

Торжество земледелия

Комочки влажные моей земли и воли...

О. Мандельштам

Я уйду под тебя, под игристый песок и под глину,
А хочу в чернозём, прорасти в сущность лучших пород.
Флору, фауну, воздух оставляю во весь разворот,
Задохнусь, захлебнусь, заикнусь да, пожалуй, и сгину.

Будут землю копать тяжёло мастера, в матерок,
Лопатою мерить типовой новый глинистый домик.
Мужики, не спеши, дай вам, господи, водочки кроме,
Чтоб по взмокшим рубахам стучал молодой ветерок.

Да о чём говорить, их движенья предельно умелы,
Их клиенты без званий, идут в сантиметрах труда,
Лишь помехою ливень, бредущий с утра до утра,
Землепашцам моим, выводящим скупые пределы.

Я уже на просмотре — я вспорот и узнан врачом,
Я зашит, в холодильник говядиной свежее брошен,
Заморожен, вновь достан, одет, максимально ухожен,
В гроб положен, лежу. Слёзы льют — ну а я здесь при чём!

Слёзы, слёзы — зачем, я уже заморожен, не слышу.
Я б хотел повернуться, привстать, чмокнуть вас, дорогих.
Только век мой измерен, он грубо нагляден, как стих,
И уже без меня сумасшедший взбегаёт на крышу.

Я хочу этот воздух запомнить надорванной хордой,
Только мало могу, лежебока, промёрзший насквозь.
Вот и крышка тебе, вот и гвоздь вбит, ещё один гвоздь.
К счастью, слёзы пока не просохли на вздёрнутой морде.

Хоть согреют они, когда будут меня опускать,
И полати ровнять, и кидать на полати землю,
Лишь вороны вверху — погребальные русские птицы —
Будут, нагло галдя, за моими людьми наблюдать.

А потом все уйдут и оставят. Веночки, цветочки,
Крест невзрачный, который я верно и медленно нёс.
И остался. Ночуй! Одинокий кладбищенский пёс,
Может, скрасит грудным завыванием первую ночь.

Ну а там как пойдёт — постучишься направо, налево.
Те же толки, да холод, беспросветный, бесхитростный мрак!
В прошлом всё, не мечтай. Наливай — новомодный кабак,
Каждый в прошлом король, ну а каждая — та королева.

В этой тьме, в этой мгле есть улада, по счастью, одна:
О тебе вспоминать, видеть чётко, замедленно, жутко
Каждый твой сантиметр, видеть нас как живых по минуткам.
Вот такая цена, привилегия мёртвым дана.

Это горько смотреть, сколько отдано дней на утеху
Пустоте, суете, нелюбви, построеньям ума.
Только книги остались, немые остались дома
Да мучительный, мелкий и гадкий бесёнок успеха.

Я искал свой покой и имел простодушную волю,
Только в счастье влипал и барахтался в нём, как в меду,
Да, всё знал: что уйду, что по миру один побреду,
Что всевышнюю волю по опыту сердца глаголю.

Путь костлявый лежит — не хандри, землячок, — в чернозём.
Хоть старательны, но чего-то у нас не хватило,
А она хороша, эта братская наша могила —
Та земля, о которой мы лучшую песню поём.

...где мы любили

И. Бродский

Безраздельность железной кровати, упершейся в ночь;
Становясь мужиком и по памяти скромной не шарясь,
Я не знаю, дружище, чем мог бы собрату помочь —
Разве крикнуть, как встарь, беззаботно и твердо: «Товарищ!»

И не помня себя на подскоке пружины дурной,
Сонный феррум тряся, будто душу со дна доставая,
Не узришь, не поймёшь, что случится той ночью с тобой,
Будешь праздно лететь в турникет и под тяжесть трамвая.

Ты запомнишь усталой и мелкой старухи исход
Мимо окон, кольнёт незнакомое вялое чувство
Повседневности дней, ввечеру разбирать будут скот,
Демонстрируя сельское миру железа искусство.

По лесам хорошо катануть на лихом мотоцикле —
Это, брат мой, сродни городскому восторгу пружин.
Ни по ржи, ни по лжи к факту жизни еще не привыкли
И летаем по ней, как на праздник пропущенный джин.

Не дури и не ёрзай в пробеге пружинистых линий,
Будь достоин и горд, мужиковствуя всласть на миру,
Я, конечно, вернусь, точно старший развесистый Плиний,
И поэтому ночью, увы, по старинке умру.

Можно долго и нежно играть в переплёт, в дурака,
Можно нежно и долго сочиться по лестнице кадров,
Но встает корешок и безумием метит в века,
И за ним в изголовье столбняками толпится эскадра.

На пружинах времён опускаясь в сердечную слизь,
Рож и ржи забывая захлёб и над пропастью тая,
В безраздельность кровати покоя и воли уткнись,
Умирай по старинке у кромки занюханной рая.

Я не знаю, дружище, чем мог бы собрату помочь,
Становясь мужиком и по памяти скромной не шарясь.
Безраздельность кровати, железной, упёршейся в ночь, —
Разве крикнуть, как встарь, беззаботно и твёрдо: «Товарищ».

Неотправленные письма дочери

I

Он стучит по подоконнику,
у него такая работа,
он хочет, чтобы о нём узнали —
и я услышал, узнал — дождь.
Он перестал стучать, как умер.
Кто запомнил его —
травинки, земля, кто?
Ты далеко, девочка моя,
у вас дождей почти не бывает,
некому стучать в подоконник,
твой папа ещё жив.

II

Мы шли вечером домой,
я держал тебя за руку
и пел тебе взрослую песню.
Ты думала о чём-то своём,
а я всё пел — до конца,
свой немодный репертуар.

Потом мы перестали ходить,
и я пел его уже только себе.
Ты помнишь хоть строчку?
Ты помнишь — я пел?

III

Бабушка отрезала себя
на нашей с тобой фотографии —
она казалась себе некрасивой,
а мы так любили её.
Мамочка, где ты сейчас?
Земля над тобой молчит,
я обижал тебя —
и простить меня некому.
Я смотрю в обрезанное фото,
где за ломаной линией — ты...

IV

Ты далеко, и наша собака выросла без тебя,
она состарилась и лежит — вздыхает.
Она не узнает тебя и облает уже как чужую.
У неё был инсульт, потом уколы, уколы —
она пободрела, но мы ждём ухудшения.
Мы радуемся её аппетиту, её настроению.
Девочка моя, чему радуешься ты?
Твой папа ещё жив.

V

Читал книгу и навернулись слёзы,
будто ослеп — вспомнил о тебе.
Вечером мыл руки и зачем-то их долго мылил,
а вода все текла и текла,

била по умывальнику,
как дождь в подоконник.
Долго смотрел на руки —
чистые, мокрые, старые.
Сколько воды потрачено в жизни на них?
Вот и я умыл руки, будто закончил дела,
и с меня не спросят,
а дела теперь только у тебя.

Чего так ждут твои поля,
кого зовут они?
Вздыхает, охает земля,
бугруется, лонит.
Ещё зерно не сведено
и земледельцы спят,
ещё затянуто окно
в обтяжек переклад,
ещё белится пересвет
и вьючится в хлад дом,
но рвётся луч на да и нет,
топорщится углом.

Крошит поверхности на соль,
на до-ре-фа, в желток,
выглаживая бритвой голь,
проверчивая сток,
прослаивая перестук
звонящихся морщин,
подвешивая каждый сук
к орнаменту причин.
И пустотой руководя,
обхаживая и садясь,
на перемятые поля,
в их шоколад и грязь,

в их перемес и в их надкус,
в их насморк и надсад,
как якорь опускает груз
сквозь трюмы, в недогляд,
в подкорки нежности, в сугроб —
проваленный, как рот,
разъятый, сочный, годный, чтоб
втащить весь небосвод.

Поля текут, поля спешат,
навзрыд бочатся, в дрожь
хрустелятся и прячут взгляд,
толкуются ни за грош,
ни за зерно, ни борозду,
за беспредел, за стон,
за поднебесную узду,
упершуюся в сон.

Чтоб облегать меня,
Лишь надо быть тобою —
Стекать по мне, воздушиться водою,
И колыхать сквозь слух сосудистой листвою,
И шелест не менять, и шёпот не менять.

Чтоб литься, облегать,
Твой череп намаячить
И такт его означить,
Земелиться, как датчик, в такт пере-пере-датчик,
И пламенеть, что спать, и каменеть, что спать.

Чтоб облегать, чтоб облегать.